

Ли Сяоли улыбалась так долго, что лицо её почти одеревенело, но Ли Цзюэ оставался совершенно безучастным.

— Никуда я не пойду. Если там так хорошо – валите сами, и прямо сейчас убирайтесь из моего дома! — Ли Цзюэ подхватил стоящую в углу метлу и с силой замахнулся на них, не скрывая презрения.

Оба они были теми еще типами. Хоть Ли Сяоли и приходилась его матери родной сестрой, Ли Цзюэ сколько себя помнил, она всегда как пиявка висела на матери, а уж после её смерти и вовсе сменила маску и присвоила дом, оставленный ему в наследство.

Про Ван Удэ и говорить не стоило – под стать своему имени, он был человеком на редкость бесчестным.

Ли Цзюэ орудовал метлой не жалея сил, удары с глухим звуком обрушивались на непрошенных гостей.

— Еще в прошлый раз, когда вы кланчили деньги, я сказал, что знать вас не желаю! Проваливайте туда, откуда пришли, вам здесь не рады!

Ван Удэ скорчился от боли, судорожно вдохнул и мертвой хваткой вцепился в руку Ли Цзюэ.

— Ах ты щенок, по-хорошему не понимаешь! Сдохну, но я твой старший, и если я сказал «пойдешь», — значит, пойдешь как миленький!

— Я же о тебе забочусь, дурак, радоваться должен!

Ван Удэ пренебрежительно хмыкнул и бросил жене:

— Ли Сяоли, найди веревку, чтобы этот паршивец не сбежал.

Он не лгал: какому-то важному господину с Центральной базы действительно требовались люди. Ван Удэ слышал об этом от приятелей во время азартной игры: мол, ищут парней лет двадцати, без болячек и физических изъянов, и за каждого дают по десять тысяч луби. Да это больше, чем они за год на мусоре заработают!

Супруги быстро сообразили, что Ли Цзюэ идеально подходит под описание.

Они давно зарились на припасы, которые он накопил. Пока Ли Цзюэ был маленьким, с ним было легко сладить, но теперь он вырос и отбился от рук. Так не лучше ли сплавить его этому господину «на радость», а заодно вынести из хижины всё ценное – чего добру пропадать?

Ли Цзюэ, разумеется, соглашаться не собирался. Он брыкался и кусался, отчаянно сопротивляясь, но один против двоих выстоять не смог – его быстро прижали к полу, лишив возможности двигаться.

— С-сука... — Ван Удэ, на чьей руке красовалась кровавая рана от укуса, побагровел от ярости.

В Трущобах лекарства были на вес золота. На лечение этой раны уйдет столько денег, сколько он проедает за полмесяца.

— Тварь, я тебя научу уважать старших! — С этими словами Ван Удэ вlepил ему звонкую оплеуху. На бледной щеке Ли Цзюэ тут же проступил ярко-красный отпечаток ладони.

— Уважать старших? Вас?! — Ли Цзюэ сплюнул кровь и дернулся в путах. — Таким старым хренам, как вы, место в могиле. Может, мне вам пару гробов подогнать?

Ван Удэ, взбешенный дерзостью, затянул веревку туже.

— Заткни ему пасть, посмотрим, как он тогда запоет!

Силы оставляли его, и Ли Цзюэ, подобно загнанному кролику, начал биться в последней попытке освободиться.

— Помогите! Грабят! Кто-нибудь, спасите!!

Он ни на грош не верил словам этих двоих. Будь там что-то хорошее – ему бы точно не предложили. Он не сдастся!

Прошло немало времени, голос Ли Цзюэ совсем охрип, но на помощь так никто и не пришел.

В его глазах промелькнуло отчаяние.

Ли Сяоли, будто увидев нечто нелепое, залилась кудахчущим смехом.

— Надо же, в таком месте, как Трущобы, ты еще надеешься на спасение?

Сострадание здесь было самым дефицитным товаром. Ждать помощи от соседей было всё равно что надеяться на ману небесную.

— Советую поберечь силы, — Ли Сяоли запихнула ему в рот грязную тряпку, в её взгляде блеснула жестокость. — Твоя мать перед смертью сама поручила тебя мне. Отправить тебя в хорошее место – считай, исполнить её последнюю волю...

Договорить она не успела: Ли Сяоли внезапно отлетела в сторону и с глухим ударом врезалась в стену, оставив в ней заметную вмятину.

— Ты еще кто такой?! — Ван Удэ вскочил. — Эй, парень, не лезь не в своё дело, вали отсю...

«БАБАХ!!»

Снова оглушительный грохот. В стене появилась еще одна вмятина, поглубже прежней. Ван Удэ выплюнул сгусток крови и затих, буквально впечатанный в стену.

Глаза Ли Цзюэ покраснели, на ресницах застыли слезы. Спина после падения на пол нещадно ныла, но он даже не почувствовал боли – он замер, не в силах отвести взгляд от высокой фигуры, застывшей в дверном проеме на фоне яркого света.

В ореоле ослепительного сияния Ли Чи медленно шагнул внутрь.

— Ли Цзюэ, ты в порядке?

Ли Чи моргнул и одним рывком поднял его с пола.

— Зачем ты спишь на полу? Простудишься же.

Он демонстративно игнорировал двоих людей, впечатанных в стены. Или, вернее сказать, в глазах Ли Чи все присутствующие, кроме Ли Цзюэ, значили меньше, чем муравьи под ногами.

Уродливые, слабые людишки – зачем на них отвлекаться?

Ли Цзюэ был готов расплакаться. Он и помыслить не мог, что Ли Чи придет его спасать.

— Ли Чи... спасибо тебе.

— Не за что, — подумав, Ли Чи великодушно добавил:

— Хочешь, пойдем ко мне отдохнешь?

— Всё нормально, я сам разберусь... — Ли Цзюэ попытался пошевелиться, но раны тут же отозвались резкой болью. Он вздрогнул, осознавая масштаб побоев.

Видя это, Ли Чи без лишних слов перехватил Ли Цзюэ за запястье.

Мир вокруг завертелся, и в следующее мгновение Ли Цзюэ уже лежал животом на хрупком с виду плече Ли Чи.

Опыт переноски людей у Ли Чи уже был, так что он привычно направился к выходу:

— Пошли, я отведу тебя домой.

Ли Цзюэ задергался:

— Стой... подожди! Они же всё из дома вынесут...

Задумавшись на пару секунд, Ли Чи отпустил Ли Цзюэ и кивнул:

— А, понял.

Парочке у стен внезапно стало очень холодно.

— Ли... Ли Цзюэ, совесть у тебя есть? — Ли Сяоли сглотнула, голос её дрожал. — Мы тебя столько лет растили, ты обязан отплатить нам добром!

— Растили? Да как у вас язык поворачивается?!

Ли Цзюэ издал короткий, злой смешок, в котором не было ни капли веселья.

— Вы отобрали у меня всё: дом, припасы, даже деньги, что я зарабатывал на свалке. Вы швыряли мне корки черного хлеба, чтобы я просто не сдох с голоду. Вы не имеете права даже произносить это слово!

Когда-то он отчаянно нуждался в любви и раз за разом убеждал себя, что они – его единственные родные люди. И что он получил взамен?

Губы Ли Цзюэ скривились в самоироничной усмешке:

— Я не такой, как моя мать. Больше вы из меня кровь сосать не будете!

Ли Чи внимательно слушал, время от времени кивая.

— Угу, черный хлеб невкусный, — согласился он. Он бы лучше поголодал, чем жевал этот сухой сухарь.

— Верно, нельзя сосать кровь. — Насколько он знал, только некоторые мутанты пьют человеческую кровь, среди людей это не принято, и к тому же...

— Если вырастили, то обязательно нужно платить добром? — внезапно спросил Ли Чи.

— Разве, воспитывая человека, обязательно нужно что-то получать взамен? Как странно.

Он наклонил голову, и в его чистых глазах отразилось неподдельное недоумение.

У людей было много прекрасных качеств: они умели делиться, хвалить, помогать...

Но зачем требовать что-то от другого? Ли Чи заботился о Лу Сихэне вовсе не для того, чтобы что-то от него получить.

Даже если бы у Лу Сихэна не было луби, не было крыши над головой и одежды, Ли Чи всё равно хотел бы быть к нему добрым.

— Я его тетя! Мы связаны кровью, он обязан меня слушаться! — Визгливо оправдывалась Ли Сяоли.

«Кровное родство»? Почему из-за какой-то «связи по крови» можно творить такие мерзости и считать это нормальным?

Мысли в голове Ли Чи, и без того путанные, окончательно перемешались.

Ничего не понятно. К тому же эти двое уродливых людей были по-настоящему злыми: они не только обворовали Ли Цзюэ, но и пытались принудить его к чему-то. Они вели себя даже меньше по-человечески, чем он сам.

Наверное, это и есть «псевдолюди».

Не желая больше слушать чепуху, Ли Чи схватил обоих за шиворот, стащил со стен и одним ударом отправил каждого в глубокий нокаут. Бросив их к ногам Ли Цзюэ, он спросил холодным, лишенным всяких эмоций голосом:

— Их нужно убить?

<http://bllate.org/book/19452/1926197>